

DOI: 10.19195/0137-1150.167.43

JOANNA KULA

Uniwersytet Wrocławski, Polska

Алгоритм шахидки (по роману Марины Ахмедовой *Дневник смертницы. Хадиджа*)

Марина Ахмедова (р. 1977), прежде всего, — журналист и специальный корреспондент журнала „Русский Репортер”, на счету которой более ста репортажей. Она дважды была награждена престижной российской премией „Искра” в области журналистики. Одну из этих наград она получила за репортаж *Понять дракона*¹, опубликованный в январе 2011 года. Этот репортаж с подзаголовком *Почему нам не удастся справиться с исламским террористическим подпольем* касался ситуации на Кавказе, а точнее, проведенной в столице Дагестана — Махачкале спецоперации, невольной свидетельницей которой оказалась Ахмедова. Здесь она пыталась разобраться в обстоятельствах, подталкивающих молодых дагестанцев „уйти в лес” и присоединиться к бандподполью. Ее также заинтересовала дальнейшая судьба родственников погибших боевиков, в особенности их матерей, сестер и жен. Вопросы „что же толкает будущих смертниц совершить убийство” и „в чем суть стремления к собственной смерти” оставались в ее статье без однозначного ответа.

За репортажем последовала художественная книга *Дневник смертницы. Хадиджа* (2011), попавшая в 2011 году в лонг-лист литературной премии „НОС”, а в 2012 году — в шорт-лист премии „Русский Букер”. Книга была переведена на несколько языков, в том числе на польский², и вызвала довольно большой интерес критиков, писателей и журналистов. Как выразился руководитель Интернет-проекта „Слово без границ” Алексей Андреев, это произведение является „художественным исследованием

¹ М. Ахмедова, *Понять дракона*, „Русский репортер” 2011, № 3, <http://rusrep.ru/article/2011/01/26/report/> [дата обращения: 5.05.2017].

² М. Achmedowa, *Musiałam umrzeć*, пер. А. Stonka, Kraków 2015.

психологии смертниц³. Сама писательница в беседе с Андреевым скромно подтвердила:

Возможно, я знаю о них (смертницах — И. К.) чуть больше, чем обыватель. Но не больше спецслужб, не надо себя переоценивать. Просто когда я писала свои кавказские репортажи для „Русского Репортера”, я общалась с некоторыми девушками, которые хотели бы себя взорвать. Я много раз говорила, что никогда не брала интервью у смертниц. Как я его возьму, если смертницей она становится после смерти? Моя героиня стала смертницей после того, как погиб ее муж. Она не хотела, в общем-то, отомстить за него. Наверное, в тот момент она была не человеком, а машиной, существом, загнанным обстоятельствами жизни, и некому было ее встряхнуть. Я — не специалист по смертницам, я всего лишь написала одну книжку про смертницу. У некоторых сотрудников спецслужб, с которыми я общалась, есть, например такая версия: эти девушки, сами того не ведая, могут переносить что-то из пункта „А” в пункт „Б”, а при пересечении пункта „С”, лежащего между „А” и „Б” их взрывают. То есть на кнопку они сами не жмут и знать не знают, что сейчас умрут. Это версия не моя, а спецслужб. А, вообще, я думаю, что случаи бывают разные⁴.

Ахмедова утверждает, что у смертниц нет единой линии жизни, но можно предположить, что для сюжета своей книги она выбирает наиболее показательный пример. Прототипами главной героини стали несколько девушек, связанных с террористическим подпольем в Дагестане и Чечне, с которыми писательница встречалась во время своих регулярных поездок на Кавказ в течение шести лет⁵. Дело в том, что в романе Ахмедовой „смертницей” является типичная дагестанская девушка, которая в тринадцатилетнем возрасте начинает вести дневник. И, пожалуй, это единственное, что выделяет героиню на фоне ее кавказских сверстников. Едва ли современная молодежь, заселявшая кавказские республики, увлекается дневниками. Небезызвестный *Дневник Жеребцовой Полины* (2011), который вела девочка во время чеченской войны, скорее всего, — исключение, подтверждающее общее правило.

Целью настоящей статьи является определение алгоритма факторов, подтолкнувших героиню книги Ахмедовой, Хадижу, к совершению террористического акта-самоубийства. Читателя *Дневника смертницы* с самого начала волнует вопрос: что должно было случиться в жизни человека, выбравшего в будущем такую смерть. Слово „смертница”, громко звучащее в названии, изначально вводит читателя в заблуждение, так как в книге, насчитывающей всего триста пятьдесят страниц, сложно обнаружить ка-

³ А. Андреев, *Марина Ахмедова: О психологии смертниц я знаю не больше спецслужб*, Wordyou.ru, 5.09.2013, <http://wordyou.ru/v-rossii/marina-axmedova-o-psixologii-shaxidok-ya-znayyu-bolshe-vsex> [дата обращения: 5.05.2017].

⁴ Там же.

⁵ М. Borowska, *Marina Achmedowa: Nie rozwiqzemy problemu terrorystek...*, пер. А. Łapkowski, „Wysokie obcasy”, 27.06.2015, http://www.wysokieobcasy.pl/wysokie-obcasy/1,53662,18215285,Marina_Achmedowa_Nie_rozwiazemy_problemu_terrorystek.html?disableRedirects=true [дата обращения: 20.04.2017].

кие-либо факты, объясняющие дальнейшую судьбу Хадижи. От страницы к странице читатель „дневника смертницы” буквально томится в ожидании коренного переворота в ее скучноватой жизни. Название книги — это финал истории, ее развязка. Хадижа до попадания в среду исламских фанатиков ведет образ жизни типичный для подавляющего большинства женского населения Дагестана, и читатель в какой-то момент забывает, что перед ним будущая смертница. В процессе чтения нарратив романа вызывает смущение, а порой и ощущение, что броское название — это обман и всего лишь PR-ход.

Сюжетную линию романа можно разделить на три этапа: 1. жизнь героини в горном ауле Дагестана; 2. жизнь в Махачкале и учеба в университете; 3. знакомство с Махачем — парнем, которого героиня тайно любит с детства,— и жизнь после его смерти. Последний момент оказывается роковым в судьбе Хадижи. Но какие же обстоятельства имели место до этого, последовательность каких событий и действий подвела героиню к решению совершить теракт?

По мнению литературного критика Валерии Пустовой, „начало книги о девочке Хадиже из дагестанского села грустнее, чем финал”⁶. Такое мнение звучит провокационно, поскольку смерть молодой девушки (к тому же беременной) и предполагаемых жертв теракта — это, казалось бы, „печаль печали”. Интересные заметки появились у другого литературного критика, Анастасии Роговой, которая в своей статье затрагивает сразу несколько, исключительно важных с нашей точки зрения, вопросов:

Начинается *Дневник смертницы* с описания идиллического детства главной героини, Хадижи, на фоне первобытной красоты Кавказских гор. Идиллического — но далеко не идеального. Ведь у Ахмедовой есть основная цель — вызвать у читателя положительные эмоции по отношению к героине. Очеловечить ее, из фанатичной убийцы превратить в обычную девушку. Поэтому она и идет в детство, к корням.

Детство у Хадижи не задалось с самого начала: сирота, живет бедно, быт — патриархальный, тяжелый, соседи темные и злые, еды мало, бабушка — мегера из мегер, словом, Горький бы прослезился и даже разрыдался. Не Хадижа, а просто Козетта с Кавказа.

Поскольку от хорошей жизни, по мнению автора, в смертницы никто не пойдет, то жизнь Хадижи с каждой страницей становится все тяжелей. Сначала у нее умирает отец, после чего начинается крах семьи — без кормильца во все времена и у всех народов семье приходилось несладко. Особенно в деревне⁷.

Точка зрения Роговой также в какой-то мере вызывает сомнения. Во-первых, строгое патриархальное воспитание, которому подвергается Хадижа, свойственно кавказской традиции. Одновременно, оно и является

⁶ В. Пустовая, *Марина Ахмедова: Я контактировала с трупами*, „Медведь”, 3.11.2012, http://www.medved-magazine.ru/articles/Valeriya_Pustovaya_Sentimentalnaya_voy-na.1208.html [дата обращения: 30.04.2017].

⁷ А. Рогова, *В сторону от войны. Марина Ахмедова*, „Вопросы литературы” 2014, № 5, с. 119–120.

возможным фактором, повлиявшим на дальнейшую судьбу героини. Вторых, читатель читателю рознь, и образ Хадижи, по крайней мере, у некоторых из них, вызывает смешанные эмоции: от сочувствия к непониманию и даже возмущению.

Семья девушки живет бедно, но не беднее других соседей. На самом деле главная, а может, и единственная настоящая беда в жизни Хадижи — потеря родителей в раннем детстве, с этого и начинается ее история. Кажется, вокруг Хадижи витает смерть: сначала умирает больной отец, потом от горя и нежелания выходить повторно замуж — мать. До потери родителей с Хадижей не случилось ничего настолько тяжелого. Через несколько лет во время спецоперации силовики „ликвидируют” ее возлюбленного, кстати, убийцу собственного отца. Сюжет заканчивается смертью героини и ее недожденного ребенка. Смерть как будто скрытый лейтмотив романа.

В моменты слабости, желая спрятаться от мира, Хадижа бежит на кладбище, подсознательно ища защиты у мертвых. Благо кладбище находится поблизости дома, и Хадижа весьма успешно осваивает смерть. Ее пугает лишь здание для омовения покойников. Момент смерти матери, совпавший с шумной свадьбой дяди, вносит неразбериху в сознание ребенка. Девочка удивляется тому, что бабушка позорится и скандалит, пытаясь остановить мужчин несущих ковер. „Зачем бабушке этот ковер, не понимала я. Пусть забирают, если хотят. У нас много ковров”⁸. Тело покойницы, завернутое по мусульманской традиции в ковер, остается без внимания девочки, т. е. в тот момент она даже не понимает, что ее мать умерла.

Сцены забоя баранов, обыденные для кавказского пейзажа, не вызывают у Хадижи каких-либо эмоций. Забой барана означает пир, праздник, много еды. Жалость проявляется лишь при смерти ее воспитанника — барана Тамерлана. Будучи уверенной, что у Тамерлана есть душа, она просит дедушку не резать его. Тогда дедушка объясняет внучке, что душа — у человека, а баран — жертва Аллаху и был создан для этого.

Человека резать нельзя, а барана можно. Баран ничего не чувствует, так его Аллах создал, специально чтобы его ели, поэтому ему не больно. Когда я скажу „Бисмилля” и поверну его головой в сторону Мекки, ему больно не будет. Чик — и все [с. 37–38].

Поначалу девочка не понимает, зачем Аллах постоянно требует жертву, почему она больше не может играть с Тамерланом, почему Аллах забирает себе все, что она любит. Но потом она все-таки осознает смысл, сказанных дедушкой слов дедушки и спокойно съедает самые вкусные куски вареной головы барана:

Конечно, ему не больно. Как только „Бисмилля” говоришь, Аллах сразу усыпляет его, и он ничего не чувствует. Ты же Аллаху жертву приносишь... Аллах сам знает, как

⁸ М. Ахмедова, *Дневник смертницы. Хадижа*, Москва 2011, с. 90. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страницы в скобках.

сделать... Так мир он создал. Не мы тут решаем. Мы ничего не решаем, только законы Аллаха соблюдаем. Не нам судить... Ты смотри, как вкусно [с. 40].

На протяжении всей книги, пожалуй, это самые искренние и „глубоко философские” размышления о смысле жизни и смерти. В дальнейшем Хадижа не обращается к мудростям деда, не комментирует его слов, ни над чем не задумывается.

В детстве она часто думает о собственной смерти. В представлениях девочки смерть романтизируется: она может быть побегом от детского горя, или же мстью бесчувственным родственникам.

Строгое воспитание, нелегкие жизненные условия (например, отсутствие водопровода), физический труд (будучи ребенком она готовит, нянчит маленьких детей своего дяди, таскает воду из родника) и телесные наказания в случае непослушания (бабушка бьет ее палкой), в общем не сильно отличают семью Хадижи от соседних семей. Девочка, как и все другие горянки, закончив домашние дела, спешит на аульный источник. Это, пожалуй, один из немногих мест, где она может общаться с внешним миром⁹. Носить тяжелые кувшины нелегко, но только на роднике можно узнать сельские новости или показаться в новом платье, вызывая зависть сверстниц. Именно тогда девушки, ожидая в очереди возможность набрать воды, открыто беседуют, поют, смеются, обмениваются сплетнями, злословят, и, наконец, строгим глазом оценивают поведение и внешний вид других молодых девушек.

Деревенское детство Хадижи лишено беззаботного веселья и, главное, близости и чувствительности, которых жаждет любой ребенок. Но строгость воспитания не означает отсутствия любви в семье. Хадиже объясняют, что на Кавказе не принято высказывать свои чувства. Такое поведение обусловлено древним обычаем „избегания”, свойственного всем кавказским народам¹⁰. Бабушка с дедушкой, а позже родственники, забравшие ее в город, по-своему заботятся о ней и хотят для нее лучшей жизни. Хадижа, в свою очередь, понимает и принимает местные традиции и нравы. Бывает, что она признает правоту бабушки, когда та ее избивает (к примеру, за то, что воровала у нее сахар из мешка). Она оправдывает случай избияния дядей своей беременной жены. Семейное насилие случается в кавказской общине нечасто, но не считается патологией. Муж имеет, например, право наказать свою жену за измену¹¹. Физическое наказание — это способ наладить отношения и расставить все по своим местам. И так же понимает насилие героиня Ахмедовой.

⁹ Ю. Карпов, *Женское пространство в культуре народов Кавказа*, Нальчик 2013, с. 35.

¹⁰ См.: М. Текуева, *Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность*, Нальчик 2006, с. 44–50.

¹¹ Там же, с. 72.

Хадижа растет чувствительной, сентиментальной девочкой, размышления которой сводятся к романтической мечте о Махаче, красивом наряде и богатой жизни. Наталья Рубанова считает, что Хадижу характеризует „безграничная узость мышления”¹². Действительно, с одной стороны, поражает равнодушие главной героини к знаниям, с другой — это никак не выделяет ее на фоне других ровесников. Поступление в университет для нее важно, так как увеличивает шансы на удачный брак. Причем речь идет не о возможности получить знания, а только диплом. Такова позиция всей семьи Хадижи. Такова позиция всех, отправляющих своих дочерей учиться в университет в Махачкалу. Хадижа, не проявляя тяги к учебе, с трудом заучивает некоторые предметы в университете. Тема сочинения на вступительных экзаменах ставит ее в тупик:

На всю жизнь я запомнила это проклятое предложение — „Идейно-композиционная функция лирических отступлений в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Аллах, это на каком языке? Даже в Коране нет таких непонятных предложений, хотя в Коране много запутанных смыслов, которые могут распутать только мудрецы и по-настоящему верующие люди [с. 162].

Она равно далека как от Пушкина, так и от Корана, нет в сфере ее интересов. Ей нравится *Гарри Поттер*, однако эта книга сожжена разозленной бабушкой. Попытка прочесть *Дафниса и Хлою* также заканчивается неудачей: она столкнулась с полным непониманием со стороны семьи и запретом на чтение этой книги.

Жизнь всех ее родственников была подчинена поверхностной религиозности — некоему фольклорному варианту ислама, и адату, т. е. обычному праву. Аллах призывается лишь как языковое выражение („слава Аллаху!”), наравне с другими („Закрывайте рот, когда смеетесь! — ругалась бабушка — шайтан залетит!” [с. 29]). Все жители как села, так и города свои плохие поступки оправдывают проделками шайтанов, распространяют суеверия, боятся сглаза, и им же объясняют невезение. Религиозная поверхностность характерная для большинства не обходит стороной и Хадижу. Она сама не проявляет особого интереса к религии, не ищет „истину”, смысл существования и смерти. Девушка по-детски воспринимает законы и видит прямую связь влияния Аллаха и шайтанов на все происходящее в жизни.

[Но] я же верю в Аллаха! Я только прошу, чтобы он Айку превратил в камень! Я всегда Его о чем-нибудь прошу. Иногда он исполняет мои желания, а иногда нет. Например, я попросила его один раз, чтобы мне не взбивать больше молоко, так у меня рука от этого кувшина болит. Назавтра он исполнил мое желание — корова не дала молока, и бабушка повела ее к мулле. Еще я попросила шоколадных конфет, и на другой день, бывает же, наш сосед дядя Абдулла умер. У него был рак, он целый месяц

¹² Н. Рубанова, *Шахада: Двойник невежды*, „Урал” 2012, № 3, <http://magazines.russ.ru/ural/2012/3/r15-pr.html> [дата обращения: 30.04.2017].

кричал, хуже коровы Салихи. Потом он умер, и на его могилу положили много конфет. В тот день я обелась — Аллах услышал меня. А если нет, то зачем мы живем возле кладбища? [с. 33].

Хадижа не понимает, почему Аллах игнорирует ее просьбу вернуть отца к живым. Однако, искренняя вера в существование рая это, возможно, последнее, что позже толкнет девушку стать шахидкой. В финале книги Хадижа только автоматически повторяет лозунги о „всемогущем Аллахе”. Религиозный аспект не придает роману драматургического звучания, скорее, наоборот. Приготовление пышки с надписью „Аллах” не становится мистическим событием и дает комический эффект.

На пышке, в ее поджаренных местах, была видна арабская вязь — так пишется слово „Аллах”.

Есть такие святые люди, у которых это слово или даже целые строчки из Корана проступают прямо на коже. Аллах сам выделяет таких людей. Но я и мечтать не могла, что Аллах отметит своим особым вниманием мою пышку.

Мы не стали есть эту пышку. Мы ее высушили и теперь показываем всем другим сестрам, которые к нам приходят. Она лежит на самом видном месте. Когда я смотрю на нее, мне хочется плакать от счастья [с. 320].

Хадижа взрослеет в мире тотального патриархата. На гендерное неравенство особенно резко отреагировала Наталья Рубанова, увидев в книге довольно радикальные позиции¹³. Анастасия Рогова, заметила в некоторых высказываниях героини и ее взгляде на мужчин — готовый манифест для феминисток¹⁴. Но на самом деле, Хадижа отлично знает свое место в кавказском обществе и особо не претендует на нечто другое. Она понимает, что у женщины множество ролей — она дочь, сестра, жена, вдова, лишь бы не „старая дева”. Для женщины нет большего позора, чем не состоять в браке; лучше быть второй женой. Такой подход крепко зафиксирован местной традицией, которая описана во многих источниках. Безбрачная женщина воспринимается как отступление от нормы, которую обязаны соблюдать все без исключений¹⁵. Такое мнение — общее для всех, и поэтому вопрос замужества волнует девочку с раннего детства. Ее ограничивает покорность традиции и воле старших, которым она особо не противодействует. Даже если ей что-то не нравится, она старается поступать согласно обычаям и закону. Ее судьбу всегда решают другие: сначала бабушка, потом

¹³ „[...] никогда она не получит на простые, в сущности, вопросы хоть сколько-нибудь вразумительного ответа. Не получит, потому как, будучи женщиной — исламу большой привет, — является априори существом «грязным», созданным исключительно для воспроизведения вида и обслуживания «высшего» существа, не пригодного к деторождению: фаллический страх настолько велик, что даже дочь не смеет взглянуть на отца, — что уж говорить о других мужских особях! Нет-нет, глаза долу...”. Н. Рубанова, *Шахада: двойник невесты...*

¹⁴ А. Рогова, *В сторону от войны. Марина Ахмедова...*, с. 123.

¹⁵ Ю. Карпов, *Женское пространство...*, с. 62–64.

тетя Зухра (сильные женские персонажи все-таки присутствуют в романе), наконец — погубивший ее Махач. Но ответственность Махача за смерть Хадижи заключается не в том, что он втянул ее в среду исламских радикалов, а в том, что использовал наивность влюбленной девушки. Его отношение к Хадиже на самом деле непонятно: то ли он заигрывает с ней, то ли действительно любит. Ахмедовой не удалось убедительно разработать любовную линию, хотя принцип „love story” — „заштампованная, затертая, примитивная история любви”¹⁶ Золушки из глубинки и ее принца — должен был сработать. Побег молодых перечеркнул Хадиже надежду на возвращение. „Похищение невесты” — давний, но неоднозначно принимаемый кавказским обществом обычай. Убежав с Махачем, Хадижа опозорила себя и свою семью. Для девушки такое решение означает точку невозврата. Хадижа всю жизнь мечтала только о Махаче, богатой свадьбе, красивых платьях и драгоценных украшениях. В дневнике будущей смертницы с самого начала присутствует этот мальчик, но Хадижа интуитивно боится записывать интимные переживания — это кажется ей неприличным.

Девочка с детства понимает, что надо поступать так, как „принято”, боится своих чувств, знает, как важно мнение других. Всю жизнь вокруг нее звучат слова: „нельзя опозорить себя”, „что люди скажут”, „как не стыдно людям так показаться”, „будет стыдно от людей” — ничего не делается от себя и для себя, все делается напоказ. Она очень простая и с возрастом повторяет те же слова, оценивая других по внешнему виду или услышанным сплетням. Зачастую ее поступки схематичны, бездумны, объясняются страхом и неуверенностью.

Мне сразу захотелось рассказать о Махаче, еще на первой странице — я часто думала о нем, но я себе не разрешила. На первой, на второй и на третьей страницах я говорила себе „нельзя” — разве можно писать про чужого парня в своем дневнике? Но мне так хотелось написать его имя. Мне так хотелось увидеть его имя на белых листах своей розовой тетради [с. 53].

Вопреки всем препятствиям, связанным, прежде всего, с принадлежностью к разным социальным статусам, Хадижа поверила в долгую и счастливую жизнь рядом с возлюбленным. Но на этот раз вариант Золушки и принца не реализовался. Махач в какой-то момент „уходит в лес”. Ему надоели фальшь и лицемерие образа жизни дагестанских мусульман, повседневная коррупция, социальная несправедливость. „Во имя Аллаха” он решает противодействовать этой несправедливости любыми средствами. Он готов на все, вплоть до убийства собственного отца, генерала Казибекова, олицетворяющего, по его мнению, все зло.

К сожалению, Ахмедова не показывает изменение отношения Махача к окружающему миру, так как обо всем мы узнаем из дневниковых записей Хадижи. Героиня сама не разбирается в том, что происходит вокруг нее.

¹⁶ Там же, с. 120.

Она невнимательна, легковерна, не вникает в суть дела. Ее знания основаны на сплетнях, подслушивании разговоров старших, телевизионных передачах. У нее не было увлечений до тех пор, пока она не оказалась в среде радикальных мусульман. Даже антитеррористическая операция, проходившая в соседнем дворе, вызвала у нее не любознательность, а лишь обычное любопытство. Хадижа равнодушна к разным социально-политическим событиям, поэтому ее сознательное превращение в шахидку сомнительно.

На наш взгляд, в книге отсутствует „художественный психоанализ смертницы”. Форма дневника, который ведется полуграмотным подростком, ограничивает способ подачи информации и одновременно позволяет автору оставлять пустые места и недосказанные мысли. Дневниковые записи, в которых зачастую теряется логическая связь, последовательность мыслей — недостаточно раскрывают внутренний мир героини и показывают ее перемену из обычной дагестанской девушки в смертницу. Последняя часть дневника, которую Хадижа пишет уже после смерти мужа, отличается от предыдущих. С одной стороны, дневник ведет все та же обыкновенная дагестанская девушка, а с другой, нарратив переполнен религиозными лозунгами, призывами имени Аллаха, фрагментами молитв, но они не звучат естественно.

Зафиксировав финал своей истории уже в названии, писательница взяла на себя сложную, непосильную задачу растолковать, как формируются шахидки. Скорее всего, Ахмедова не пыталась ответить на вопрос, что толкает будущих террористок к убийству, так как „случаи бывают разные”. Выбирая своей героиней обыкновенную девушку, она показала лишь то, что алгоритма смертницы на самом-то деле не существует. Судьбоносную роль в жизни Хадижи сыграли несколько факторов, но террористкой она оказалась только по воле случая. Хадижа не настолько сильная личность, чтобы самостоятельно принимать решения или делать выбор, это не тип идеолога-радикала, мыслителя или мстителя. Момент, когда героиня превратится в исламского радикала, так и не наступает. Всю свою жизнь она подчинялась другим, ничего не изменилось и к ее концу. Очевидно, ей просто не было к чему возвращаться, жизнь для нее стала просто бессмысленной. В итоге она всего лишь исполнила просьбу и оправдала ожидания очередного человека. В конце романа, как и в начале Хадижа — типичная, почти стереотипная, кавказская девушка, потерявшаяся в жизненных выборах между добром и злом. Возможно, в этом и состоит суть психологии смертниц — в отсутствии у них глубокой психологии. По крайней мере, к такому выводу приходит читатель *Дневника*. Валерия Пустовая замечает, что „достижение Ахмедовой не в том, что она объяснила, откуда берутся смертницы, а в том, что после ее романа это становится еще более непонятно. У человеческого сердца нет ничего общего с войной и смертью, оно тянется к жизни и любви, и эту тягу роман дает почувствовать”¹⁷.

¹⁷ В. Пустовая, *Марина Ахмедова: Я контактировала с трупами...*

Оказывается, что на совершение теракта способен человек, которому свойственна тяга к любви, к благополучию, к жизни. Патриархальный строй общества, всеохватывающая коррупция, ощущение социального неравенства — все это лишь способствует, а возможно, и просто является фоном этой истории. Нет никакого набора факторов, объяснений, почему в сознании Хаджи возникает необходимость совершить теракт. Нет пошаговой инструкции, для воспитания смертницы. Нет четко определенных фактов, порядка действий, которые бы в сумме своей превращали любого случайно взятого человека в некое механическое устройство, орудие для убийства, способного совершить тот же поступок, что и обычная дагестанская девушка Хадижа. Шахидки — женщины готовые взорвать себя ради идеи, войны, мести или любви. А Хадижа — простая девушка, оказавшаяся в точке невозвращения.

Библиография

- Андреев А., *Марина Ахмедова: О психологии смертниц я знаю не больше спецслужб*, Wordyou.ru, 05.09.2013, <http://wordyou.ru/v-rossii/marina-akhmedova-o-psixologii-shaxidok-ya-znayu-bolshe-vsex>.
- Ахмедова М., *Дневник смертницы. Хадижа*, Москва 2011.
- Ахмедова М., *Понять дракона*, „Русский репортер” 2011, № 3 (181), <http://rusrep.ru/article/2011/01/26/report/>.
- Карпов Ю., *Женское пространство в культуре народов Кавказа*, Нальчик 2013.
- Пустовая В., *Марина Ахмедова: Я контактировала с трупами*, „Медведь”, 3.11.2012, http://www.medved-magazine.ru/articles/Valeriya_Pustovaya_Sentimentalnaya_voyna.1208.html.
- Рогова А., *В сторону от войны. Марина Ахмедова*, „Вопросы литературы” 2014, № 5.
- Рубанова Н., *Шахада: Двойник невежды*, „Урал” 2012, № 3, <http://magazines.russ.ru/ural/2012/3/r15-pr.html>.
- Текуева М., *Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность*, Нальчик 2006.
- Achmedowa M., *Musiłat umrzeć*, пер. А. Stonka, Krakow 2015.
- Borowska M., *Marina Achmedowa: Nie rozwiązemy problemu terrorystek...*, пер. А. Łapkowski, „Wysokie obcasy”, 27.06.2015, http://www.wysokieobcasy.pl/wysokie-obcasy/1,53662,1821-5285,Marina_Achmedowa__Nie_rozwiazemy_problemu_terrorystek.html?disableRedirects=true.

The algorithm of Shahida (*Khadijah. Notes of a Death Girl* by Marina Akhmedova)

Summary

The author of the article aims to identify facts in the biography of the main character of the book *Khadijah. Notes of a Death Girl* by Marina Akhmedova, which influenced her decision to commit a terrorist act. Khadijah seems to be a typical contemporary Caucasian girl. The author

presents various cultural and customs aspects specific to the Caucasus, which could influence her future. There are considered elements such as the patriarchal arrangement of the Dagestan community, the influence of Islam on education, shaping the girl's identity, etc. The author also draws attention to social problems such as corruption. A separate, very important issue is the love story in the novel. The article attempts to reconstruct the psychological process of *Khadijah* on the basis of her notes.

Keywords: Dagestan, diary, Caucasian customs, Shahida

Algorytm szahidy (*Musiałam umrzeć* Mariny Achmedowej)

Streszczenie

Celem artykułu jest określenie faktów w biografii głównej bohaterki powieści Mariny Achmedowej *Musiałam umrzeć*, które wpłynęły na jej decyzję o dokonaniu aktu terrorystycznego. Chadiża, główna bohaterka powieści, zdaje się typową współczesną kaukaską dziewczyną. Autorka artykułu przedstawia różne kulturowe i obyczajowe aspekty charakterystyczne dla Kaukazu, które mogły wpłynąć na jej dalsze losy. Rozpatrzono między innymi takie elementy, jak układ patriarchalny społeczności dagestańskiej, wpływ islamu na wychowanie czy kształtowanie tożsamości bohaterki. Zwrócono także uwagę na problemy społeczne, takie jak korupcja. Osobną kwestię stanowi w powieści wątek miłosny.

W artykule dokonano próby rekonstrukcji procesu psychologicznego bohaterki na podstawie jej notatek.

Słowa kluczowe: Dagestan, dziennik, obyczaje kaukaskie, szahida